

Проф. А. Н. Красновъ въ Батумѣ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Когда я почти четыре года тому назадъ пріѣхалъ въ Батумъ на постъ директора мѣстной мужской гимназіи, то былъ пріятно изумленъ извѣстіемъ, что профессоръ А. Н. Красновъ живетъ въ городѣ, притомъ въ двухъ шагахъ отъ меня. Однимъ изъ моихъ первыхъ визитовъ было, разумѣется, посѣщеніе А. Н., котораго я засталъ больнымъ, сильно постарѣвшимъ и донеузнаваемости измѣнившимся. Андрея Николаевича я знавалъ еще въ бытность нашу студентами Петроградскаго университета. Хотя мы были на разныхъ факультетахъ, однако, въ тѣ отдаленные годы (первая половина 80-хъ годовъ) и студентовъ было въ 5 разъ меньше въ университетѣ, чѣмъ теперь, и жили они сплоченнѣе, тѣснѣе общетоварищескимъ ядромъ. Объединяла насъ наука, насчитывавшая тогда въ Петроградскомъ университетѣ рядъ блестящихъ представителей (я здѣсь назову только А. Д. Градовскаго, проф. Сергѣевича, Коркунова, Фойницкаго, Янсона, ректора И. Е. Андреевскаго изъ юристовъ; Сѣченова, Лесгафта, Менделѣва изъ естественниковъ; Бауера, Ор. Миллера, Ламанскаго, Ягича, Помяловскаго, Латышева, Веселовскаго изъ филологовъ; Боргмана, Поссе, Маркова изъ математиковъ; Васильева, Гиргаса, Хвольсона, Патканова, Позднѣва изъ восточниковъ). Кто хотѣлъ работать, собирался либо въ библіотекѣ, либо въ читальнѣ, либо въ лабораторіяхъ, либо, наконецъ,—какъ это ни странно—въ студенческой столовой-буфетѣ, и тутъ-то происходили бесѣды, западавшія въ памяти на всю жизнь, заключались дружбы, длившіяся не одно десятилѣтіе, сводились знакомства, одно воспоминаніе о которыхъ заставляетъ теперь чрезъ 30 лѣтъ съ лишнимъ радостно биться сердце. Такимъ то образомъ и я, тогда первокурсникъ-филологъ, познакомился съ симпатичнымъ послѣднекурсникомъ естественникомъ Андреемъ Красновымъ, уже тогда, какъ золотой медалистъ и человѣкъ, побывавшій въ ученой командировкѣ, крупной среди студенчества величиною. Помню, меня, классика, чрезвычайно поразили удивительное знаніе греческаго языка и его литературы у естественника

Краснова и та восторженность, съ которою сей по тогдaшнему «матеріалистъ» говорилъ о памятникахъ античнаго міра. Эта бесѣда насъ очень сблизила, но вскорѣ затѣмъ Красновъ, окончивъ блестяще курсъ, уѣхалъ за границу, и пути наши разошлись на очень продолжительное время, чему не мало способствовало различіе нашихъ специальностей.

Много, много лѣтъ спустя мнѣ, преподавателю исторіи одного изъ среднеучебныхъ заведеній Петрограда, издательская фирма «Просвѣщеніе» предложила перевести на русскій языкъ извѣстный географическій трудъ проф. Сиверса «Азія». По заведенному у фирмы обычаю каждый переводъ украшался именемъ не всегда фактическаго и далеко иногда незнаменитаго ученаго. Важно было, чтобы на обложкѣ красовались слова «подъ редакціею профессора или приватъ-доцента NN». Не будучи специалистомъ по географіи, я старался найти для своего перевода дѣйствительно редактора съ настоящимъ именемъ, обращался къ Воейкову и нѣкоторымъ другимъ и совершенно забылъ объ А. Н. Красновѣ, тогда профессорствовавшемъ въ Харьковѣ. Не помню, кто мнѣ указалъ на него, только въ отвѣтъ на мое офиціальное письмо я получилъ столь же офиціально-любезное согласіе взять на себя редактированіе моего перевода «Азіи». Но уже послѣ первыхъ печатныхъ листовъ А. Н. написалъ мнѣ, что я, какъ весьма опытный переводчикъ, ни въ какомъ редакторѣ не нуждаюсь и что онъ, Красновъ, считаетъ свой трудъ вѣрнѣе, свою подпись фиктивною, а потому сдѣлаетъ соответствующее заявленіе издательской фирмѣ. Послѣдняя, однако, настойчиво просила А. Н. продолжать числиться редакторомъ. Однако, когда за выпускомъ «Азіи» Сиверса послѣдовало предложеніе перевести «Австралію, Полинезію и Арктическія страны» того же Сиверса и проф. Кюкенталю, А. Н. наотрѣзъ отказался редактировать, но зато охотно взялся написать къ моему переводу нѣсколько дополнительныхъ специально-ботаническихъ приложений. Такъ эта книга и вышла безъ редактора, но съ дополненіями профессора Харьковскаго университета Краснова. За тѣ три года, что шелъ переводъ названныхъ двухъ сочиненій, я лишь одинъ разъ видѣлся съ проф. Красновымъ, именно въ 1902 или въ 1903 году. Красновъ тогда пріѣзжалъ въ Петроградъ по дѣламъ, заглянулъ попутно и ко мнѣ. Такъ какъ онъ очень спѣшилъ, то нашъ разговоръ носилъ чисто-дѣловой характеръ. Но меня поразила въ А. Н. его жизнерадостность и энергія, а также неизмѣнная ласковость и привѣтливость.

Прошелъ рядъ лѣтъ, и я оказался въ Батумѣ. Во время своего визита А. Н. Краснову я былъ пораженъ переменною, прошедшею съ нимъ за какихъ-нибудь 8—9 лѣтъ. Предомъ былъ больной старикъ, жаловавшійся на боли въ ногѣ, съ трудомъ передвигавшійся по комнатѣ, да и то при помощи палки. Но ласковая привѣтливость и свѣтящаяся въ глазахъ доброта оставались прежними. Должно быть, и я не мало измѣнился за истекшіе годы: на прощанье А. Н. вспомнилъ о своемъ сотрудничествѣ со мною, но принялъ меня за моего брата-ботаника (А. Генкеля). Когда же я выяснилъ ему его ошибку, онъ былъ искренно радъ, что рядомъ съ нимъ поселился человекъ, близкій ему по духу и интересамъ. Тутъ же А. Н. повѣдалъ мнѣ, что прибылъ въ Батумъ за полгода до меня и рѣшилъ, бросивъ Харьковъ и профессору, навсегда поселиться въ Батумѣ, въ которой онъ «влюбленъ».

Съ тѣхъ поръ почти не проходило дня, чтобы мы не видѣлись съ А. Н. Когда послѣ перваго офиціального визита профессора къ намъ, ледъ перваго знакомства растаялъ, Красновъ очень часто проводилъ въ моей семьѣ долгіе вечера, и эти вечера съ ихъ бесѣдами о прошломъ и планами насчетъ будущаго навсегда останутся памятными намъ.

Въ то время покойный Красновъ особенно нуждался въ любовномъ къ нему отношеніи; съ одной стороны, болѣзнь, съ другой — множество разочарованій какъ по Харьковской профессурѣ, такъ и по тому дѣлу, ради котораго онъ переехалъ въ Батумъ, очень тяжело отражались на его психикѣ. Но завзятый оптимистъ, А. Н. удовлетворялся малѣйшею удачею или одною надеждою на нее, чтобы сразу вновь воспрянуть духомъ и вернуть себѣ прежнюю жизнерадостность. Вотъ въ эти-то тяжелыя времена проф. Красновъ блестяще доказалъ, что трудъ—панацея отъ всѣхъ напастей. Несмотря на больную ногу, не взирая на общее недомоганіе, онъ со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ его сангвинической натурѣ, отдался осуществленію своей завѣтной мечты—созданію образцоваго и единственнаго въ своемъ родѣ батумскаго субтропическаго ботаническаго сада. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ покойному пришлось преодолѣть рядъ неимоверныхъ трудностей, почти непреодолимыхъ на первый взглядъ. Не только не нашлось мѣста для будущаго ботаническаго сада, но и самая мысль о необходимости такового не встрѣчала почти никакого сочувствія ни въ Петроградѣ, въ Главномъ управленіи земледѣлія, ни даже въ Батумѣ среди мѣстной интеллигенціи и плантаторовъ-піонеровъ. Отраднымъ исклю-

ченіємъ являлся лишь военный губернаторъ Батумской области, тогда полковникъ, нынѣ ген.-маіоръ Б. С. Романовскій-Романько. Этотъ выдающійся администраторъ и основательный знатокъ условій Батумской области, человѣкъ, глубоковѣрующій въ грандіозное будущее управляемой имъ области и просто-таки влюбленный въ нее, всѣми силами старался поддержать А. Н. въ его благихъ начинаніяхъ и способствовать осуществленію его завѣтныхъ стремленій. И можно безъ преувеличенія сказать, что, не будь Б. С. Романовскаго, мысль о батумскомъ садѣ такъ, вѣроятно, и осталась бы утопіею.

Другимъ лицомъ, много помогавшимъ А. Н., былъ великобританскій консулъ въ Батумѣ г. Стивенсъ. Черезъ его любезное посредство покойный профессоръ ускорялъ выписку изъ-за границы необходимыхъ для сада растений и при его помощи справлялся съ тою частью редактировавшагося Красновымъ періодическаго изданія «Русскіе Субтропики», которая на англійскомъ языкѣ давала резюмѣ русскаго отдѣла книжекъ, дѣлая послѣднія такимъ образомъ интересными не только для мѣстнаго общества, но и за границу. Послѣ огромной переписки и нѣсколькихъ личныхъ посѣщеній министровъ въ Петроградѣ удалось, наконецъ, получить безвозмездно отъ Главнаго управленія земледѣлія и Управленія Удѣловъ подходящий и давно уже облюбованный имъ подъ ботаническій садъ участокъ земли между станціями Зеленый Мысъ и Чаква. Участокъ этотъ, площадью до 67 десятинъ, подходитъ къ самому морю и пересѣкается по окраинѣ желѣзнодорожнымъ путемъ. Въ то время онъ, за малыми исключеніями, былъ почти сплошь покрытъ густымъ лѣсомъ и только юго-западный склонъ его покато и мягко спускается къ побережью. Цѣнность участка опредѣляется не только его величиною и близостью къ морю, но главнымъ образомъ его природными качествами, его изрѣзанностью, красотою и близкимъ сосѣдствомъ съ Батумомъ (18 верстъ) и Чаквою съ ея плантаціями и чайною фабрикою.

Съ энергіею 25-лѣтняго юноши А. Н. приступилъ къ окультивированію участка и подготовкѣ его. Для этого необходимы были не только большія деньги, но и сочувствіе мѣстнаго общества. Первыхъ не было, второе приходилось искусственно создавать путемъ личныхъ бесѣдъ, печати, рѣчей въ засѣданіяхъ мѣстнаго сельскохозяйственнаго общества, товарищемъ предсѣдателя котораго А. Н. былъ избранъ вскорѣ послѣ своего прибытія въ Батумъ. И на все это хватало силъ и времени у больного А. Н. Буквально съ утра до вечера онъ былъ занятъ

то на участкѣ, то въ обществѣ, то у себя въ кабинетѣ. Одна переписка, которую велъ тогда почти самолично покойный, могла бы другого человѣка поглотить цѣликомъ. Онъ же ей посвящалъ досуги между дѣлами. А тутъ Сельскохозяйственное общество поручило А. Н. еще редактированіе «Русскихъ Субтропиковъ». Бѣда была въ томъ, что это запущенное изданіе¹⁾ приходилось ставить вновь, привлекать къ нему сотрудниковъ, возиться съ типографіею, бумагою, клише etc., однимъ словомъ, быть одновременно и редакторомъ, и издателемъ, и сотрудникомъ, и переводчикомъ, и компиляторомъ, и секретаремъ, и корректоромъ изданія... и все это при почти полномъ отсутствіи денежныхъ средствъ. И А. Н., по обыкновенію, съ честью вышелъ изъ создававшегося труднаго положенія: при немъ журналъ былъ и содержателенъ, и разнообразенъ, и полезенъ, и выходилъ въ смыслѣ аккуратности почти образцово въ свѣтъ. Большинство книжекъ того времени почти сплошь принадлежатъ перу покойнаго. Кромѣ множества замѣтокъ, рецензій, рефератовъ, проф. Красновъ далъ за одинъ лишь 1912 годъ на столбцахъ названнаго изданія такія цѣнныя статьи, какъ «Батумскій ботаническій садъ и его задачи», «Японія, какъ главнѣйшій источникъ заимствованія изъ странъ Дальняго Востока», «Южная Колхида и ея мѣсто среди другихъ субтропическихъ областей земного шара», «Пеканъ, его культура и будущность въ Колхидѣ», «Японскій орѣхъ», «Хинное дерево и возможность его разведенія въ Батумскомъ краѣ» и мн. др.

Когда почва была достаточно подготовлена и участокъ для сада полученъ, А. Н. рѣшилъ показать мѣстному населенію всю красоту и цѣнность батумской флоры. По его инициативѣ и подъ его личнымъ руководствомъ расширился и расцвѣлъ городской питомникъ, улицы и дороги города были обсажены благородными лаврами, пальмами и другими растеніями, замѣнившими обычные на югѣ пирамидальные тополя и т. д. Все это устраивалось, такъ сказать, «между дѣломъ». Все его вниманіе было обращено на созданіе ботаническаго сада, который въ какихъ-

¹⁾ Какъ мелкій, но характерный для богатой натуры А. Н. фактъ слѣдуетъ отмѣтить, что, начавши принимать близкое участіе въ названномъ изданіи, онъ сейчасъ же измѣнилъ, во-первыхъ, его первоначальное пробное названіе «Батумскій Сельскій Хозяинъ» на болѣе яркое — «Русскіе Субтропики» и, во-вторыхъ, обложку, которая, постепенно улучшаясь, въ послѣдній (1914) годъ редактированія Краснова пріобрѣла чрезвычайно художественный видъ, будучи украшена красивой, въ нѣсколько красокъ, виньеткой Батумскаго побережья.

нибудь 10—11 мѣсяцевъ превзошелъ всѣ самыя смѣлыя ожиданія: тамъ возникли законченные отдѣлы японскій, сѣвероамериканскій, флоридскій, не говоря уже о прокладкѣ массы дорогъ, расчисткѣ лѣсовъ, устройствѣ водоснабженія и т. д.¹⁾ А. Н. буквально жилъ въ этомъ саду, нерѣдко ночуя въ наскоро сколоченномъ домѣ-сараѣ, поднимаясь съ рабочими (турками и аджарцами) часто до зари и ложась глубокою ночью. И все это въ больномъ состояніи. Но покойный не чувствовалъ за фанатически любимымъ дѣломъ ни физической боли, ни нравственныхъ страданій. Уходя съ головою въ свою работу, онъ только изрѣдка позволялъ себѣ «роскошь», отдыхъ въ кругу немногочисленныхъ друзей. И тутъ, этотъ бодрый, жизнерадостный ученый, выдающійся ботаникъ и географъ, становился прямо-таки обаятельнымъ. Гдѣ бы онъ ни появлялся, тамъ немедленно воцарялось оживленіе и радость. Великолѣпный разказчикъ, человѣкъ съ огромнымъ запасомъ юмора, А. Н. становился центромъ всего вниманія, сѣя вокругъ себя энергію, силу, свѣтъ.

Еще неоцѣнимѣе былъ покойный въ душевныхъ дружественныхъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ. Тутъ воспоминанія дѣтства и юности лились широкою рѣкою. Часы незамѣтно пролетали, переноса насъ въ свѣтлое далекое прошлое, и мы переживали еще разъ всѣ наши идеалистическія упованія и надежды юности.

Слушая Краснова въ такія минуты, поневолѣ забывалъ, что говоришь съ знаменитостью, съ человѣкомъ, обладающимъ европейски извѣстнымъ именемъ, съ выдающимся ученымъ, которому шелъ шестой десятокъ. Поневолѣ въ памяти вставалъ чарующій образъ Краснова—студента во всей его юношеской прелести...

А. Н., какъ будто предчувствуя скорую кончину, торопился работать. Онъ не разъ признавался мнѣ, что, если бы было возможно, онъ поступилъ бы вольнослушателемъ на филологическій факультетъ. Это неудивительно, если вспомнить изумительныя лингвистическія способности покойнаго: онъ свободно читалъ, писалъ и говорилъ на 4 европейскихъ языкахъ, безъ затрудненія читалъ латинскіе и греческіе тексты, превосходно изучилъ (теоретически) грузинскій и турецкій языки, переводилъ грузинскія стихотворенія размѣромъ подлинника на русскій языкъ. По-грузински онъ даже говорилъ довольно сносно.

¹⁾ Подробнѣе о Батумскомъ садѣ я уже писалъ въ другомъ мѣстѣ (см. «Естеств. и Геогр.», 1915, № 1 и «Пермск. Вѣд.» 1915, № 9).

Попутно не могу не упомянуть об одной характерной чертѣ покойнаго, его чрезвычайной деликатности. Зная, напр., что у меня живетъ одинъ очень бѣдный грузинъ, бывший ученикъ мой, готовившійся на аттестатъ зрѣлости, А. Н. немедленно предложилъ юношѣ давать ему, профессору, уроки грузинскаго языка. Хотя, какъ мнѣ потомъ рассказывалъ самъ А. Н., проку отъ этихъ занятій и не было никакого, ординарный профессоръ терпѣливо занимался по три раза въ недѣлю у своего юнаго ментор-гимназиста съ единственною цѣлью помочь послѣднему.

Другой фактъ того же порядка: какъ то ѣдемъ мы съ А. Н. по желѣзной дорогѣ въ Ботаническій садъ. На полустанкѣ въ вагонъ входитъ одинъ нашъ общій знакомый, считающій себя выдающимся сельскимъ хозяиномъ и знатокомъ мѣстныхъ условій. Въ разговорѣ съ А. Н. г. Х., человекъ грубоватый и мало сдержанный, начинаетъ понемногу повышать тонъ и, наконецъ, на весь вагонъ кричитъ на профессора. Послѣдній съ обыкновенною милою улыбкою вяло отвѣчаетъ на неприличную по формѣ и нелѣпую по содержанию аргументацію собесѣдника. Меня это взорвало, но я не счелъ себя въ правѣ, какъ не специалистъ, вмѣшиваться въ дѣло.

Вечеромъ того же дня, когда я въ интимной бесѣдѣ съ А. Н., указалъ ему на недостаточность отпора нахалу, Красновъ, застѣнчиво улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ: «А скажите, Г. Г., развѣ я не слишкомъ рѣзко отвѣтилъ сегодня Х. Мнѣ казалось, что я былъ очень несдержанъ (!)». А. Н. боялся обидѣть наглеца.

Всѣмъ хорошо знавшимъ А. Н., вѣроятно, извѣстенъ фактъ, какъ онъ лѣчилъ свой здоровый глазъ, вмѣсто больного, у знаменитости, ошибавшейся по разсѣянности, не сказавъ знаменитости о происшедшей ошибкѣ, и все это съ единственною цѣлью не обидѣть окулиста... И такихъ случаевъ въ жизни А. Н. былъ, вѣроятно, не одинъ десятокъ.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о проф. Красновѣ, какъ учителѣ географіи въ мѣстной гимназіи. Видя мои старанія поднять воспитательную и учебную часть батумской гимназіи, покойный А. Н., несмотря на страшную занятость, предложилъ мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ и любезно согласился принять на себя преподаваніе въ двухъ младшихъ классахъ. Естественно, что я ему былъ за это безконечно благодаренъ, тѣмъ болѣе, что А. Н. объявилъ мнѣ о своемъ рѣшеніи вести преподаваніе географіи не по шаблону, а по нормамъ и способамъ, имъ лично выработаннымъ, такимъ, гдѣ работѣ памяти отводилось послѣднее, работѣ же мозга—первое мѣсто.

Я охотно согласился и результатъ получился, какъ и слѣдовало ожидать, блестящій: мальчики не только легко и прочно усваивали даваемые имъ свѣдѣнія, но съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ относились къ урокамъ «нашего профессора», какъ они любовно именовали Андрея Николаевича. Правда, послѣднему, приходилось иногда и повоевать съ тѣмъ или инымъ шалуномъ, но памятуя, что имѣеть дѣло съ южанами, А. Н. относился къ проявленіямъ ребяческой живости болѣе, чѣмъ добродушно и благожелательно. Неудивительно, что юная аудиторія боготворила своего знаменитаго учителя, среди обширныхъ и многообразныхъ дѣлъ своихъ, нашедшаго время и силы и для нихъ малыхъ сихъ. Но еще сильнѣе было воспитательное и образовательное вліяніе А. Н. на учениковъ старшихъ классовъ гимназіи. Тутъ, въ еженедѣльно происходившихъ (по субботамъ, послѣ всенощной) рефератныхъ собраніяхъ ученическаго физико-математическаго общества, профессоръ неоднократно выступалъ съ докладами и лекціями, буквально очаровывая многочисленную аудиторію. На эти собранія, кромѣ учащихся, мною допускались и нѣкоторые посторонніе лица, интересующіяся соотвѣтственными вопросами и, такимъ образомъ, въ скромномъ и тихомъ Батумѣ творилась большая культурная работа, давались толчки къ серьезной научной дѣятельности. Когда бывало кто-либо изъ молодыхъ преподавателей или наилучшихъ учениковъ выступалъ съ возраженіями противъ положеній Краснова (находились и такіе смѣльчаки), А. Н. прямо-таки гордился этимъ и со собственнымъ ему одному мастерствомъ въ блестящей популярной формѣ пояснялъ свои мысли. Онъ нерѣдко признавался мнѣ, что въ Харьковѣ у него было ужъ не такъ много настолько дѣльно подготовленныхъ слушателей, какъ въ Батумѣ...

Этихъ немногихъ строкъ, конечно, недостаточно, чтобы сколько-нибудь исчерпывающе охарактеризовать дѣятельность покойнаго Краснова въ Батумѣ. Объ его работѣ тамъ можно было бы написать цѣлый объемистый томъ. Но мнѣ кажется, что и настоящей бѣглой замѣтки достаточно, чтобы послужить хоть маленькимъ вѣнчкомъ на могилѣ наиболѣе выдающагося батумца, великаго работника и чуждаго челоуѣка—незабвеннаго, дорогаго профессора Андрея Николаевича Краснова.

Германъ Генкель.